

Л. А. ЧЕРНАЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

ФИЛОСОФСКО-
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ
АНАЛИЗ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
XVII – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVIII ВЕКА

Л. А. ЧЕРНАЯ

РУССКАЯ КУЛЬТУРА
ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА
ОТ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
К НОВОМУ ВРЕМЕНИ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1999

ББК 63.3(2)46-7
Ч 49

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект 98-04-16266

Черная Л. А.

Ч 49

Русская культура переходного периода от Средневековья к Новому времени. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 288 с., ил. (вклейка после 224 страницы).

ISBN 5-7859-0084-X

Книга посвящена изучению русской культуры одного из самых интересных, но и наиболее «смутных» периодов в ее истории – перехода от Средневековья к Новому времени.

Автор предлагает новый – философско-антропологический – подход, позволяющий иначе посмотреть на многие явления, процессы и проблемы переходной эпохи. В работе предпринята попытка вскрыть механизм перехода в культуре, вызванного новой концепцией человека как такового и реализующегося в конкретных судьбах служилого человека, купца, зодчего, художника, поэта, ученого.

ББК 63.3(2)46-7

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su), only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

© Л. А. Черная, 1999

© А. Д. Кошелев. Серия «Язык. Семиотика. Культура», 1995

© В. П. Коршунов. Оформление серии, 1995

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
ГЛАВА I	
«ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД»: ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ	13
1. Основные проблемы изучения русской культуры переходного периода	13
2. Философско-антропологический подход к изучению культуры	30
ГЛАВА II	
ЭТАПЫ ПЕРЕХОДНОГО ПРОЦЕССА	52
1. Начало переходного периода	52
2. Последний взлет средневековой культуры	60
3. Начало противостояния двух культур	67
4. Завершающий этап переходного процесса	76
ГЛАВА III	
КУЛЬТУРА ПОЗНАЮЩЕГО РАЗУМА	87
1. Антропоцентризм	87
2. Принцип новизны	100
3. Открытость культуры и человека	114
4. Динамичность культуры	126
5. Авторское самосознание	134
6. Жанровая структура	150
7. Принципы качества и количества, неравенства и равенства	155
ГЛАВА IV	
НОМО NOVUS. ЧЕЛОВЕК НОВОГО ТИПА	173
1. Служилый человек	177
2. Купец	190
3. Зодчий	202
4. Стихотворец	210
5. Художник	220
6. Ученый	231
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	245
Список используемой литературы	250
Именной указатель	272
Список иллюстраций	282
Список сокращений	283

ВВЕДЕНИЕ

Переходные периоды в культуре — вещь не бесспорная. Некоторые считают их полнейшим нонсенсом, ввиду того, что каждый момент культуры переходен и выделять особые периоды, когда переходность всего лишь нормальное состояние культуры, некорректно. С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, поскольку культура, как и бытие в целом, находится в постоянном движении (а дважды войти в одну и ту же воду, как известно, нельзя). Начало одного явления в культуре переплетается с концом или пиком развития многих других явлений, и все вместе они постоянно меняются. Недаром С. С. Аверинцев, стремясь избежать прямого и однозначного ответа на вопрос, что такое культура, представил ее в виде живого потока бесконечного числа переплетающихся нитей. При таком взгляде на культуру трудно увидеть в ней нечто иное как один перманентный «переходный период»¹.

Однако, с другой стороны, история убеждает нас в том, что в культуре есть времена одновременного зарождения, становления, расцвета, относительной стабильности, кризиса и угасания целого ряда явлений, образующих «лицо» культуры, создающих тот или иной ее «образ». И хотя любая периодизация страдает схематичностью, периоды все же есть, они узнаваемы и поддаются вычленению. Вопрос в том, что закладывается в основу историко-культурной периодизации и становится отправной точкой исследования. Это, в свою очередь, зависит от понимания и определения культуры как объекта изучения, от подхода к ее анализу. Если в культуре видят «совокупность достижений и ценностей общества» или «технологию жизни», то за основу периодизации берется социально-экономическая формация². При семиотическом подходе Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским в основу периодизации русской культуры (по XVIII век включительно) была положена «дуальная модель», построенная на смене знаков (плюсов и минусов) — с язычества на христианство и обратно³. Д. С. Лихачев предложил периодизацию древнерусской культуры, в основе которой был стиль изображения человека в литературе и искусстве⁴.

В зависимости от сущностного содержания каждого из периодов решался и вопрос о сущности переходного процесса от одного к другому. Между соседствующими культурными эпохами с ярко выраженной спецификой, с противоборствующими, как правило, системами и взаимоисключающими идеями, исследователи выделяли особый пласт культуры, уже не целиком принадлежащей предшествующей системе, но еще далеко не полностью соответствующей новой. Зыбкое время, едва уловимые тенденции, еле различимые перспективы... Если только по данным признакам определять переходные периоды, то мы неизбежно

придем к выводу, что они не имеют своего качественного своеобразия, что в них механически перемешано старое и новое⁵.

Особый подход к пониманию культуры, разрабатываемый на основе философской антропологии, позволяет нам посмотреть на переходные периоды как важнейшие, кардинальные, узловые этапы в истории культуры. В них не только доживают остатки старого и вырастают ростки нового. В них концентрированно с предельной силой обобщаются фундаментальные основы уходящей культуры и совершаются далеко опережающие свое время прорывы в будущее. Переходные периоды — это некое открытое культурное пространство в открытом же, лишенном ограничителей времени, вернее даже в безвремяе. Стержнем всего происходящего в переходных эпохах является проблема человека, поиск новых решений ее. Поисковый характер эпохи отражается во всех проявлениях культуры, то страстно взывающей к глубочайшей древности, то залетающей в заоблачные выси далекого будущего, то ищущей опору в силах добра, а то и зла... Каждый новый поворот в решении проблемы человека сопровождается особым временем познавательного бума, скачка в познании Абсолюта, а через него и человека как такового. Закономерности, прослеживаемые в процессе перехода от одного решения проблемы человека к другому, составляют вместе с тем качественные характеристики особого типа культуры, типа, который можно назвать антропоцентрическим (или личностным). Эти специфические черты культуры в переходном состоянии и есть ее качественные параметры, позволяющие говорить о самостоятельном значении и закономерности выделения переходных периодов как таковых. О теоретической основе моего подхода к исследованию будет сказано особо в дальнейшем.

В истории русской культуры с философско-антропологической точки зрения выделяются несколько переходных периодов, важнейшими из которых следует признать эпоху принятия и распространения христианства (XI—XII вв.) и переход от Средневековья к Новому времени (XVII — первая половина XVIII вв.). Принятие христианства завершало период «космической телесности» (определение А. Ф. Лосева⁶) и открывало период «души», выделения человека из ряда равных природных объектов (каковым он являлся в мифологической культуре язычества) и превращения его в субъект, поставленный над тварным миром и соотносимый с Творцом-Абсолютом благодаря душе, «вдунутой Богом» в Адама. Взлет искусства, архитектуры, литературы и других явлений, наблюдаемый в русской культуре XI—XII вв. вызван, на наш взгляд, сменой идеи Абсолюта: от абсолютного телесного Космоса к личности Бога. Введение христианства потребовало смены «ветхого» человека «новым», что осмысливалось в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона, в поучениях Кирилла Туровского и др. Так, например, антитеза «ветхий» — «новый» служила стержнем знаменитого произведения Илариона, где

закон противопоставлялся благодати, язычество христианству, Адам Христу, Святой Владимир языческим князьям. Новая вера мгновенно преображала человека и делала его «благим», однако все же перед ним ставились вполне конкретные задачи саморазвития и самосовершенствования. Именно новое решение проблемы человека послужило основой для поразительного расцвета русской культуры в тот переходный период.

Второй переходный период — от Средневековья к Новому времени — имеет ряд существенных отличий от первого. В нем нет столь же резкой смены идеи Абсолюта, как при отказе от язычества и повороте к христианству; в нем нельзя провести столь же явной начальной хронологической границы; он гораздо сложнее по своим проявлениям, параметрам и последствиям и т. п. Однако при этом оба перехода имеют ряд сходных черт и закономерностей, развиваются по единому принципу и имеют общий механизм воздействия на все сферы культуры. При переходе от Средневековья к Новому времени период «души» уступает место эпохе «разума». Этот поворот в решении проблемы человека был вызван причинами, сходными с теми, которые привели к эре «души»: старое понимание человека и Абсолюта исчерпало все свои возможности, дошло до предельного самораскрытия и самореализации, заполнило все доступные ему художественные формы и вступило в фазу статики, неизбежно приведшей к поиску новой идеи человека и его связи с Абсолютом («точкой притяжения», по определению П. М. Бицилли⁷).

«Осенью Средневековья» назвал Й. Хёйзинга переходный процесс в Европе, приведший к культуре Нового времени. Русская «осень Средневековья» имела много общего с западноевропейской, но наступила она значительно позднее, когда в Европе вовсю уже бушевала «весна Нововременья». Выделенные Хёйзингой проявления увядания культуры «души» — «страх пустоты» (*homo vacuum*); утрата цельности и культ детали; «избыточность образных представлений отцветшей символики»; обилие надписей; страсть к роскоши и пр. — прослеживаются и в русской культуре второй половины XVI в. Впрочем так же, как и отмеченные ученым черты нарождающейся культуры — «причинно-порождающее мышление»; «перемещение интереса от символизма к естественному развитию»; «приход новых форм»; обращение к античности; «новый дух» и «тон жизни»; соединение «грубо земного и крайне мистического» (как будто «своими ищущими руками люди совлекли небо на землю»); «натуралистическое изображение священных предметов»; «несвобода художников от заказчиков»; разделение культуры на придворную и народную и другие⁸ — узнаваемы в России XVII — начала XVIII вв., хотя и выражены по-своему, отлиты в своеобразные русские формы. Всем этим явлениям будет уделено внимание в нашей книге, сейчас же хочется оговорить только тот принципиально важный вывод, к которому приходишь после сопоставления западноевропейской и русской «осе-

ни Средневековья», а именно, что наша культура идет тем же путем, что и культура других европейских стран. И хотя Россия находится на самой окраине Европы (на карте XVI века, изображающей Европу в виде дамы в длинном платье, Россия оказывается в самом низу, на подоле платья дамы-Европы⁹), ее «маргинальное» положение предполагает слабую, но нерасторжимую связь с остальным европейским миром. Отсюда всплывает неизбежный вопрос о «западном влиянии».

Тот факт, что многие исследователи связывают переходный период в русской культуре XVII—XVIII вв. с «западным влиянием», заставляет присмотреться к нему пристальнее. Конечно, нельзя не признать, что в русской культуре Нового времени многое шло от западноевропейской, но был ли процесс обновления в России простым расширением потока западных «образцов» в литературе, искусстве, музыке и т. д.? Если бы русская культура не начала вырабатывать те же идеи, принципы, механизмы, что и опережающие ее культуры западноевропейских стран, она не смогла бы даже поверхностно заимствовать их. Она бы неизбежно трансформировала европейские образы и образцы в средневековые по духу и форме произведения, что и наблюдалось в XV—XVI веках¹⁰. Только достигнув в своем внутреннем развитии необходимого уровня, русская культура начала постигать сущность новых явлений в западноевропейской культуре и осознанно усваивать их наряду с выработкой собственных. Доказать это можно разными путями. Так, например, мною был проведен сравнительный анализ трактатов итальянских гуманистов (Пико делла Мирандолы, Петрарки, Фичино, Лоренцо Валла и других) и идей русских мыслителей, разбросанных в разнообразных источниках¹¹. Удивительные, на первый взгляд, «совпадения» в мыслях и взглядах на жизнь, человека, мир и т. п. объяснялись отнюдь не прямым заимствованием, о чем просто невозможно говорить, поскольку ни одно из произведений итальянских гуманистов не было известно в России в XVII — начале XVIII вв., а стадильной близостью. То, что итальянские гуманисты открывали для себя во второй половине XIV—XV вв., русские мыслители открывали для себя в XVII — начале XVIII в. А то, что ставили они одни и те же вопросы и давали на них сходные (хотя и далеко не во всем) ответы, говорит о том, что XVII век в России, по определению Д. С. Лихачева, «взял на себя функции Ренессанса»¹².

Ренессанс уже давно не расценивается в научной литературе как только возрождение античности в итальянской культуре (или своей национальной древности у других народов)¹³. Как верно подметил Й. Хёйзинга, «новый дух не в подражании античности, а в отказе от вычурности и пышности форм и переходе к простоте и искренности» и «Ренессанс придет лишь тогда, когда изменится тон жизни, когда прилив губительного отрицания жизни утратит свою силу и начнется движение вспять»¹⁴. Сущность Ренессанса в новом понимании человека, называемом гуманизмом, который начал разработку идеи личности: «Ре-

рenessансная мысль трудилась — и как раз в этом ее своеобразная законченность — не над готовой идеей личности, а... над ее предопределениями, которые позволили бы индивиду утвердиться в себе, в своей, как тогда говорили, “фантазии”, не порывая с традиционалистскими, абсолютными и нормативными, ориентирами (с человеческой “природой”, “подражанием древним”, “совершенством”, “божественностью”), но странно сдвигая их и переиначивая¹⁵. К началу Нового времени рenessансные искания «личности» дополняются новой картиной мира, которая «принимает определенные очертания в XVII в.» и в которой доминируют три «полюса», три «важных понятия — природа, личность, культура»: «Рассматривая мир как “природу”, человек переносит его в самого себя; понимая себя как “личность”, он делает себя господином собственного существования; проникаясь волей к “культуре”, он берет на себя построение собственного бытия»¹⁶.

Русская культура переходного периода соединила в себе как бы в сжатом виде и ускоренном варианте и первые шаги Рenessанса в «открытии» личности в человеке и заключительные итоги этого процесса. Поэтому она должна занять свое место среди европейских культур, так или иначе прошедших через данный этап в своем развитии. Так как новая идея человека, приведшая к открытию личности в русской культуре, рассматривалась мною ранее¹⁷, то в данной работе основное внимание будет сосредоточено совсем на других вопросах.

Прежде чем приступить к рассмотрению исторически конкретных явлений, имевших место в русской культуре переходного периода, необходимо более обстоятельно остановиться на изложении основных проблем в ее изучении и особенно на специфике и возможностях разрабатываемого в течение ряда лет философско-антропологического подхода к историко-культурным исследованиям.

Примечания

¹ См.: Аверинцев С. С. Культурология Й. Хейзинги // Вопросы философии. 1969, № 8; Он же. Византизм и Русь: два типа духовности // Новый мир. 1988. № 6.

² См.: Зезина М. Р., Кошман Л. В., Шульгин В. С. История русской культуры. М., 1990; Михайлова Р. Ф. История русской культуры. Ч. 1—2. СПб., 1994 и др.

³ См.: Лотман Ю. М., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 414. Тарту, 1977. С. 3—37; Лотман Ю. М. Избранные статьи. Т. 1. Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн. 1992; Успенский Б. А. Избранные труды. М., 1996. Т. 1—3.